

М.Н. ЕРМОЛОВА

30 января 1870 года. В московском Малом театре в первый раз идёт трагедия Лессинга «Эмилия Галотти». Перед началом спектакля в зале чувствуется какое-то необычное волнение. Театральные завсегдатаи, точно старые знакомые, обмениваются короткими фразами, толпятся у афиши, увлечённо пожимают плечами, возмущаются.

Что же так взволновало сегодня зрителей? Чем вызвано их беспокойство? Роль Эмилии Галотти — главную роль, которую должна была играть Федотова, знаменитая артистка любимица московской публики, — исполняет Ермолова. Федотова больна, и её заменили какой-то никому не известной воспитанницей театрального училища, шестнадцатилетней девушкой, впервые вступающей на подмостки театра.

— Не слыхано!

— Кто такая эта Ермолова?

— Суфлёрская дочка!

Медленно поднимается тяжёлый занавес. Глаза зрителей устремлены на сцену. Из-за кулис выбегает молодая девушка и низким грудным голосом произносит первые слова роли. Зрители вздрагивают от неожиданности. Раздаются громкие аплодисменты. На сцене не робкая школьница, которую ожидали увидеть зрители. Перед ними настоящая актриса!

После спектакля дебютантку вызывали двенадцать раз...

За кулисами, прислонившись к пыльной декорации, счастливыми слезами плакала Маша Ермолова. Рядом с ней стоял её отец Николай Алексеевич Ермолов, суфлёр Малого театра.

— Ах, Машенька! Ах, дитя моё! Ах, Машенька! — задыхаясь, повторял он, от волнения не находя больше слов.

После спектакля отец посадил Машу в старый театральный рыдван и отвёз её обратно в училище, где в томительном беспокойстве её поджидали подруги, самые первые почитательницы её таланта.

Поздней ночью, когда стихли восторженные возгласы, поздравления, поцелуи и воспитанницы крепко спали, укрывшись казёнными серыми одеялами, Маша писала при тусклом свете ночника:

«...Сбылось то, о чём я пять дней тому назад не смела мечтать... Я актриса!»

Так начался славный путь великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой, всю свою болящую, вдохновенную жизнь отдавшей театру.

М. ЕРМОЛОВА.

Нелегко было в те времена бедной девочке, дочке суфлёра, пробиться на сцену. Сколько унижений, сколько закулисных интриг, издевательств и насмешек пришлось ей перенести! Даже после блистательного дебюта и после окончания школы она принуждена была выступать лишь в небольших ролях, не имея возможности играть во всю силу своего таланта. Только через три года, и то по чистой случайности, она получила роль Катерины в «Грозе» Островского.

А ещё через три года, в 1876 году, в свой первый бенефис Ермолова сыграла в пьесе Лопе де Вега «Овечий источник» роль Лауренсии и этой ролью покорила всю театральную Москву. Это было в период революционного подъёма в России, когда на заводах и фабриках всё чаще и чаще бастовали рабочие, выступая против произвола капиталистов и царского самодержавия. Росли революционные настроения и в передовых кругах русской интеллигенции. Когда Ермолова — Лауренсия произнесла свой страстный монолог, призывая испанских крестьян к восстанию против поработившего их тирана, в театре началось что-то невиданное и неслыханное. Казалось, зрители, жадно ловившие каждое её слово, видели перед собою не испанку и не испанских крестьян, а русскую девушку, призывавшую их, русских людей, к борьбе против произвола. Зрители вскопили с мест, рыдая, обнимали друг друга. Крики «браво» смешались с революционными призывами. После спектакля студенты остановили карету, в которой Мария Николаевна возвращалась домой, распрягли лошадей и сами довели артистку до её убогой квартирки в Спасском переулке.

Около трёхсот ролей сыграла Ермолова, и всегда выступала она защитницей своих героинь и обвинительницей того «тёмного царства» дореволюционной России, в котором томилась русская женщина. Со сцены звучал голос Ермоловой, протестовавшей против семейного гнёта, мешающих предрассудков, бесправия женщины и призывавшей к завоеванию права на свободу и счастье. В памяти современников навсегда останутся гениальные образы русских женщин, созданные Ермоловой: Негиной — в «Талантах и поклонниках», Ларисы — в «Бесприданнице», Юлии Тугиной — в «Последней жертве», Катерины — в «Грозе» и целый ряд других.

Когда свершилась Великая Октябрьская революция, Ермоловой было шестьдесят четыре года. Но, как и в пору молодости, её могучий голос с подмостков рабочих клубов призывал к защите Родины и свободы. Слабая, больная, без отдыха участвовала она в концертах и выездных спектаклях Малого театра, организованных для зрителей рабочих окраин. На уговоры друзей и родных побережь здоровье Ермолова отвечала:

— Разве теперь такое время, чтобы думать о себе!

Новые зрители, в валенках, в полушубках, в шинелях, прибывшие с фронта, отправлявшиеся на фронт, жадно смотрели на сцену, ловя каждое слово актёров. И Мария Николаевна Ермолова, истинная дочь своего народа, с особым подъёмом и радостью играла для нового зрителя.

В 1920 году Москва отпраздновала пятидесятилетие сценической деятельности великой артистки. В юбилейном спектакле Малого театра исполнялись отрывки из «Горя от ума» и «Марии Стюарт», и Ермолова, как в былые дни, потрясла зрителей силой своего вдохновения.

На спектакле присутствовал Владимир Ильич Ленин. Приветствуя Ермолову, он первый поднялся со своего места, а вслед за ним поднялся весь зал. По предложению Ленина, Советское Правительство постановило присвоить Ермоловой высокое звание Народной артистки Республики. Потом это звание было присвоено многим актёрам. Но Мария Николаевна получила его первая.

Замечательные женские образы, созданные великой актрисой, обогатили сокровищницу русского искусства. Её игра служила и служит образцом для молодого поколения артистов. Недаром имя М. Н. Ермоловой носит молодёжь московский театр, созданный в 1937 году.

Л. ТЫНЯНОВА.